

Л. М. Сабурова

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. Г. ГРОМОВА И Ю. Ф. НОВИКОВА «НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АГРОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Статья Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»¹ имеет целью привлечь внимание исследователей к методологическим вопросам указанного раздела науки, показать правильный принцип подхода к этнографическому изучению сельскохозяйственной техники. Такая цель сама по себе заслуживает всяческого поощрения. Осведомленность авторов в чисто технических вопросах работы пахотных орудий дает им возможность привести новые и, с нашей точки зрения, интересные для специалистов данные (например, о зависимости различных форм креплений орудий от почвы и др.). Однако характер статьи и ее рекомендации вызывают возражения.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков считают, что орудия, как и другие элементы культуры, связаны прежде всего с общественно-экономическими и географическими условиями жизни народа и лишь во вторую очередь и в значительно меньшей степени могут считаться следствием особенностей культуры и быта, присущих какой-либо этнической общности (стр. 92). Аргументируя тезис о зависимости орудий от социально-экономических и географических условий, авторы говорят о неприятии его зарубежными и в известной мере советскими учеными. Это утверждение (как и некоторые другие) требует уточнения. Оговоримся сразу, что мы имеем в виду только советских этнографов.

Нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что при агроэтнографических исследованиях, в частности при изучении сельскохозяйственных орудий, необходимо учитывать социально-экономические факторы и естественно-географические условия: ландшафт, почву, климат и т. д. Не подлежит также сомнению, что комплексный подход к решению проблемы чрезвычайно перспективен. Вероятно, есть смысл настаивать на этом еще раз, хотя советские этнографы, как правило, учитывают эти факторы. Для краткости сошлемся на работы Д. В. Найдич, уделявшей много внимания изучению пахотных орудий восточных славян. В ее статье «О принципах классификации пахотных орудий», хорошо известной Г. Г. Громову и Ю. Ф. Новикову и цитируемой ими, говорится: «Каждое пахотное орудие было приспособлено к ландшафту местности, где оно применялось (степи, лесу), и почвам: тяжелому чернозему, каменистой, лесной, легким песчаным почвам. Решающее значение при создании того или иного орудия имела система земледелия (поднятие целины, залежная система, с перелогом, подсека с лесным перелогом, пар-

¹ См. «Сов. этнография», 1967, № 1.

вая)... Крестьяне прекрасно знали, какая деталь и при каком именно расположении по отношению к другим деталям дает наилучший результат»². Как видим, в исследовании Д. В. Найдич речь идет как раз о тех факторах, которые берут под защиту авторы обсуждаемой статьи.

В написанном Д. В. Найдич разделе о пахотных орудиях в томе «Народы Европейской части СССР» также говорится, на каких почвах и при каких системах земледелия применялись те или иные пахотные орудия (соха, косуля, плуг, рало)³.

Такая же определенность в отношении социально-экономических и почвенно-климатических факторов прослеживается и в посмертно публикуемой статье Д. В. Найдич «Пахотные и боронильные орудия», в которой говорится: «В разных районах соха имела разное устройство в зависимости от различия почв и рельефов, систем земледелия и этнических традиций, степени богатства хозяев и свойств разводимых растений»⁴. Таким образом, здесь учитываются самые разнообразные факторы, в том числе и этнические традиции (но не только они). В той же статье Д. В. Найдич подчеркивает, что «сохи отличались в зависимости от почвенных условий различной формой, установкой, шириной рассохи и полицы, размерами сошников, местом прикрепления тягловой силы»⁵.

Число примеров можно увеличить, однако и из приведенных видно, что первое положение, которое, по мнению авторов, требует своего утверждения, давно принято советскими этнографами. Как видно из сказанного, между авторами статьи и остальными советскими этнографами нет разногласий по вопросу о значении почвенно-климатических и иных факторов для конструкции пахотных орудий.

Этого нельзя сказать относительно общей концепции авторов. Однако для того, чтобы выяснить ее, необходимо свести воедино имеющиеся в статье на этот счет высказывания, так как их нельзя рассматривать как однозначные.

Объявляя сельскохозяйственную технику областью народной культуры (стр. 80), авторы в то же время считают, что она не имеет отношения к этническим особенностям (стр. 81), что в ней отражаются не этнические, а культурные традиции. На стр. 92 читаем: «Учет этих факторов (социально-экономических, почвенно-климатических и др.—Л. С.) в агроэтнографических исследованиях позволит по достоинству оценить значение и степень влияния тех причин (? — Л. С.), которые столь часто называют этническими, и которые отражают лишь устойчивое бытование культурной, а не этнической традиции у тех или других групп населения, традиции, являющейся формой закрепления рациональной, практической деятельности человека». При сопоставлении цитат отчетливо выявляется их противоречивость, так как получается, что сельскохозяйственная техника — это область народной культуры, не имеющая ничего общего с этносом, т. е. с народом, а являющаяся результатом культурных традиций.

К культурным традициям авторы относят особенности орудий труда, пищи, покроя одежды, конструкции жилища, к этническим — керамику, орнамент, обряды, фольклор. Культурная традиция, по мнению авторов, и, видимо, в противовес этнической является формой закрепления рациональной, практической деятельности человека.

² «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 41.

³ «Народы Европейской части СССР», т. I, М., 1964, стр. 167—169.

⁴ «Русские (Историко-этнографический атлас)» (в печати), стр. 32.

⁵ Там же.

Заметим, что разделение на этнические и культурные традиции на не кажется сколько-нибудь аргументированным и вообще оправданным. К чему мы еще вернемся несколько ниже. Авторы обсуждаемой статьи придерживаются на этот счет другого мнения и объявляют об отсутствии этнических признаков в пахотных орудиях, а также, как они даю понять, и в других сторонах материальной культуры — жилище, одежда, режиме питания (стр. 92).

По отношению к сельскохозяйственным орудиям эта мысль довольно определенно выражена в следующем абзаце: «Соха-цапулька и саба не схожи не потому, что употреблялись разными этническими группировками, а потому, что выполняли совершенно различные технологические функции» (стр. 82).

Отрицание национальной основы сельскохозяйственных орудий является новым. Об этом говорилось еще 30 лет назад и даже в более язвительной форме. Так, критикуя работу Д. К. Зеленина «Русская соха и ее виды», П. Н. Третьяков писал: «Бесчисленное многообразие форм сохи является, по Зеленину, также фактом позднейшего порядка, вытекающим из „недремлющего ума“ русского крестьянина-землепашца, изыскивающего все время лучшее устройство пашущего орудия, отвечающего тем или иным конкретным условиям. Индо-европейская, формалистическая подоплека этой схемы совершенно ясна, если даже опустить многочисленные высказывания Д. К. Зеленина относительно русской национальной культуры, продуктом которой будто бы и является соха... Происхождение сохи следует искать в подсечном земледельческой форме хозяйства, не связанной ни с какой национальной культурой»⁶.

Разительное сходство этих положений бросается в глаза, хотя автор обсуждаемой статьи и не столь последователен в своих взглядах. На первый взгляд представляется, что при наличии предшественников по выдвигаемой идее авторам не следовало бы ограничиваться простым ее воспроизведением. Читатель вправе ждать какой-то системы доказательств в пользу выдвигаемого положения, хотя бы объяснения, например, почему соха возникла на территории расселения русских и даже получила название «русская соха». Несмотря на многообразие ее видов, их приспособленность к определенным микроклиматическим и почвенным условиям, в ней, действительно, прослеживается общая схема развития.

Конечно, соха возникла вследствие определенных почвенно-климатических и социально-экономических условий, но на территории расселения определенной этнической общности, и впоследствии была заимствована другими этническими группами с переходом их к земледелию. Об этом свидетельствует и терминология — названия орудия и его отдельных частей, — например, у народов Поволжья.

В статье Г. Г. Громсза и Ю. Ф. Новикова утверждается, что этнографы меньше занимаются изучением орудий для характеристики хозяйственного быта и в большей степени «изучают конструктивное своеобразие орудий земледелия, ареалы распространения этих своеобразных черт и связанные с этим проблемы культурных взаимовлияний, миграций этнических групп и т. д., и т. п.» (стр. 81). Это утверждение также не совсем верно. В работах советских этнографов первый аспект представлен более полно, чем второй. Об этом свидетельствуют вышедшие в свет тома серии «Народы мира» и этнографические монографии. Такая направленность вытекает из принципов комплексного изучения традиционной и современной культуры народа, который принят в советской этно-

⁶ П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 1, М.—Л., 1932, стр. 25.

графии. Советские этнографы исходят из того, что хозяйственная жизнь того или иного народа или этнографической группы, в том числе и характер сельскохозяйственной техники, является важным показателем развития производительных сил. Поэтому изучение этих вопросов проводится не только комплексно, но и в историческом разрезе, что позволяет правильно понять те изменения, которые происходят у различных народов в определенные исторические периоды и в различных местностях. Этнографы руководствуются при этом указанием В. И. Ленина о том, что «земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской... Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впасть в бюрократический централизм...»⁷.

С такими же критериями этнографы подходят и к изучению современности, стремясь проследить определенные процессы в развитии культуры.

Второй аспект, который кажется авторам преобладающим в этнографических исследованиях, представлен в них значительно слабее.

Следовало бы говорить о необходимости развертывания обоих направлений в работах советских этнографов, так как неразработанность их делает затруднительной и в известной степени малоэффективной полемику по этим вопросам. Проведенные работы имеют еще фрагментарный характер как в тематическом отношении, так и по охвату территории.

Вероятно, неразработанность вопроса повинна в том, что авторы обобщаемой статьи строят свои доказательства на отдельных примерах, а не на совокупности фактов. Очевидно, что до тех пор, пока доказательства будут базироваться на отдельных примерах, что неизбежно при современном уровне изученности вопроса, выводы вряд ли можно будет назвать бесспорными.

О недостаточном внимании этнографов к разработке этой тематики говорит и число работ, на которые ссылаются авторы статьи: всего несколько названий (включая и тезисы докладов) — и это почти за тридцатилетний период (с 1938 г.).

Правда, при таком небольшом числе работ, которые находились в поле зрения авторов, можно было ожидать более внимательного их прочтения или объяснения мотивов критики.

Так, в тезисах Н. Н. Чебоксарова (названных в первой по порядку ссылке не совсем точно) говорится, что различия в орудиях выделяемых трех подобластей на территории Прибалтики обуславливаются «разными причинами — неравномерностью темпов социально-экономического развития, особенностями естественно-географических условий и, наконец, исторически сложившимися этническими традициями, частично восходящими к глубокой древности — к периоду первобытнообщинного строя»⁸. При характеристике каждой подзоны автор также останавливается на конкретных социально-экономических и естественно-географических условиях, на защиту которых встают Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков.

Далее в тезисах указывается, что границы между подобластями, «не совпадая ни с современными, ни с позднефеодальными этническими границами, отражают, в известной степени, более раннее размещение основных племенных групп населения Прибалтики, существовавшее до обра-

⁷ В. И. Ленин, О двойном подчинении и законности, Собр. соч., т. 33, стр. 327.

⁸ Н. Н. Чебоксаров, Основные итоги работ Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции 1954 г., «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 года», М., 1955, стр. 19.

зования литовской, латышской и эстонской народностей»⁹. Видимо, это положение и упоминание об этнических традициях и квалифицируется в обсуждаемой статье как «упрощенная схема развития истории земледельческой техники» (стр. 81), хотя авторы и не говорят, почему столь односторонне такое сопоставление, раз совпадение на самом деле имеет место.

Из крупных работ Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков упоминают лишь книгу П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы», что следует считать, однако, недоразумением. Думается, что П. И. Кушнеру менее всего можно адресовать упрек в том, что он якобы следует «проторенной дорогой формально-типологических классификаций» (стр. 81).

На наш взгляд, гибкость в использовании этнических определителей — одна из основных особенностей книги П. И. Кушнера, которая никак не может быть отнесена к разряду формалистических. В работе выделены главные и второстепенные признаки для определения этнических общностей: к первым отнесен язык, ко вторым — некоторые стороны материальной культуры, однако сельскохозяйственная техника в этом разделе книги не рассматривается (стр. 8—9). Далее говорится об использовании в качестве этнических определителей таких данных, как этническое происхождение, топонимика, археологические источники (стр. 9—10); в то же время большинство явлений духовной культуры рассматриваются как неустойчивые и потому малодоказательные для установления этнических различий (стр. 9). По мнению П. И. Кушнера, не содержание, а форма культуры хранит этнические, народные, национальные черты (стр. 7).

Не привлекается сельскохозяйственная техника и во второй части исследования, посвященной этническому прошлому народов Прибалтики. Раздел этой части книги, в котором используются этнографические данные, называется «Географическое распространение западно-литовского жилища, национальной одежды и орнамента в Восточной Пруссии в начале XX в.» и полностью соответствует своему названию. Лишь в главе «Археологические источники, касающиеся истории древнейшего населения юго-восточной Прибалтики» приводятся все вещественные памятники по археологическим материалам (в том числе и отдельные части орудий), как это принято у археологов.

Ссылаясь на П. И. Кушнера, авторы пишут: «В подобных работах орудия земледельческого производства ставятся в один ряд с типом бытующей в данной этнической области керамики, с характером орнаментов на одежде, с такими явлениями, как обрядность, фольклор и пр.» (стр. 81). Как уже отмечалось, в работе П. И. Кушнера современная сельскохозяйственная техника не рассматривается; оценка фольклора и обрядности как этнических определителей также противоположна той, которую предлагают Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков. Это, к сожалению, не единственная неточность в статье. Такое отношение к источникам, тем более со стороны этнографов и в этнографическом журнале, крайне удивляет.

Мы вовсе не хотим сказать, что работы советских этнографов лишены недостатков и не подлежат критике (в том числе и в отношении учета тех факторов, о которых идет речь в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова). Возможно, в отдельных случаях не полностью учитываются эти факторы или же это делается недостаточно убедительно. Детальный анализ этих, на первый взгляд общеизвестных, положений иногда вы-

⁹ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 21.

падает из поля зрения исследователей. Не лишена таких недостатков и обсуждаемая статья Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова. Необходимость исторического подхода в ней, по существу, лишь декларируется, некоторые положения статьи демонстрируют как раз отсутствие такого подхода.

Изложение ведется по принципу единого потока, без учета исторических периодов, естественно-географических и социально-экономических условий. Приводимые примеры относятся к различным историческим эпохам, к разным странам и народам, к различным природным, климатическим и географическим зонам (Китай, Англия, Россия, долина Тигра и Евфрата и т. д.). Так, на стр. 90 читаем: «Если с помощью мотыги земледелец может обработать не более пяти сотых га, то, включив в этот процесс силу животных, он может обработать до одного га». Авторы не уточняют, на каких данных основано их утверждение, о каком времени, каких почвах и орудиях идет речь, хотя совершенно ясно, что оно не является универсальным.

Так же безотносительно ко времени и территории говорится, что степная залежная система существовала одновременно с подсечной, и т. д. Лаконизм и категоричность суждений наряду с отсутствием учета тех факторов, на важности которых справедливо настаивают авторы, приводят их иногда к неправильным формулировкам. Так, они пишут: «Подсечная система не могла развиваться в степных зонах, при относительно засушливом климате» (стр. 86). То обстоятельство, что в степях отсутствуют леса, на сведения которых базируется подсечная система, совершенно не смущает авторов.

Характер обсуждаемой статьи несколько необычен: очевидные и признанные положения объявляются спорными, а действительно спорные приводятся как само собой разумеющиеся, без всяких доказательств. К ним прежде всего относится предлагаемое авторами разделение на этнические и культурные традиции, уже упоминавшееся выше. Такое разделение нам не кажется плодотворным. Наличие социально-экономической опричиненности явлений еще не может служить основанием для отрицания их этнических особенностей.

Распространенность одних и тех же орудий у различных этнических общностей в разных природно-экономических условиях, как и смена одних орудий другими, не может рассматриваться как доказательство отсутствия их этнической принадлежности. При переселениях те или иные этнические общности приходят на новое место не с голыми руками, чтобы здесь изобретать все заново, а, как правило, с имеющимися у них орудиями или навыками их изготовления. В зависимости от конкретных условий эти орудия используются так же, как на прежнем месте, видоизменяются или же заменяются другими. Впрочем, сведения такого рода можно найти и в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, которые пишут: «С появлением европейцев в Центральной и Южной Америке сложилась смешанная система, когда предпосевная обработка полей под кукуру производилась „плужным“ методом, а дальнейший уход за растениями — с помощью мотыги» (стр. 85). Следовательно, плужный метод был занесен сюда европейцами и привился здесь, несмотря на иные условия и другие культуры.

Переселяясь на новые места, русские крестьяне действительно нередко отказывались от традиционных, привезенных с собой орудий, хотя и не ранее, чем убеждались в их неприспособленности к местным условиям. Однако и в местах исконного расселения русских в определенные периоды происходит замена одних орудий другими. Так, в конце XIX в. в связи с развитием капитализма в стране смена орудий происходит

особенно быстро, сфера действия одних орудий, как например плугов, расширяется, применение других орудий, например сох, суживается.

Этнические традиции обладают значительной устойчивостью. Однако с течением времени они изменяются, что нельзя не признать, если исходить из фактов и руководствоваться диалектическим методом. Поэтому фиксация этнических признаков на определенный исторический период представляет несомненную ценность и должна входить в задачи этнографических исследований.

Таким образом, новым, но, несомненно, спорным в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова является отделение этнических традиций от культурных. В то же время в статье нет никаких сведений о том, чем характеризуются, откуда берутся и чем обуславливаются, по мнению авторов, этнические традиции. Все эти вопросы представляют значительный интерес для дискуссии. Но в ее основу следовало бы положить систему доказательств, которая, на наш взгляд, отсутствует в обсуждаемой статье.

SUMMARY

G. G. Gromov and Yu. F. Novikov raise in their article (in «Sovietskaya Ethnografia» 1967, № 1) some important problems connected with the ethnographic studies in agricultural techniques. They correctly draw particular attention to the influence on agricultural tools of climatic, social, economic, and other factors. But some of the authors' theses appear dubious or poorly motivated. The main conclusions of Novikov and Gromov are based on their distinction of ethnic and cultural traditions. But this separation of concepts is done without any factual substantiation or proof; this makes their conclusions less convincing than it might otherwise have been.
